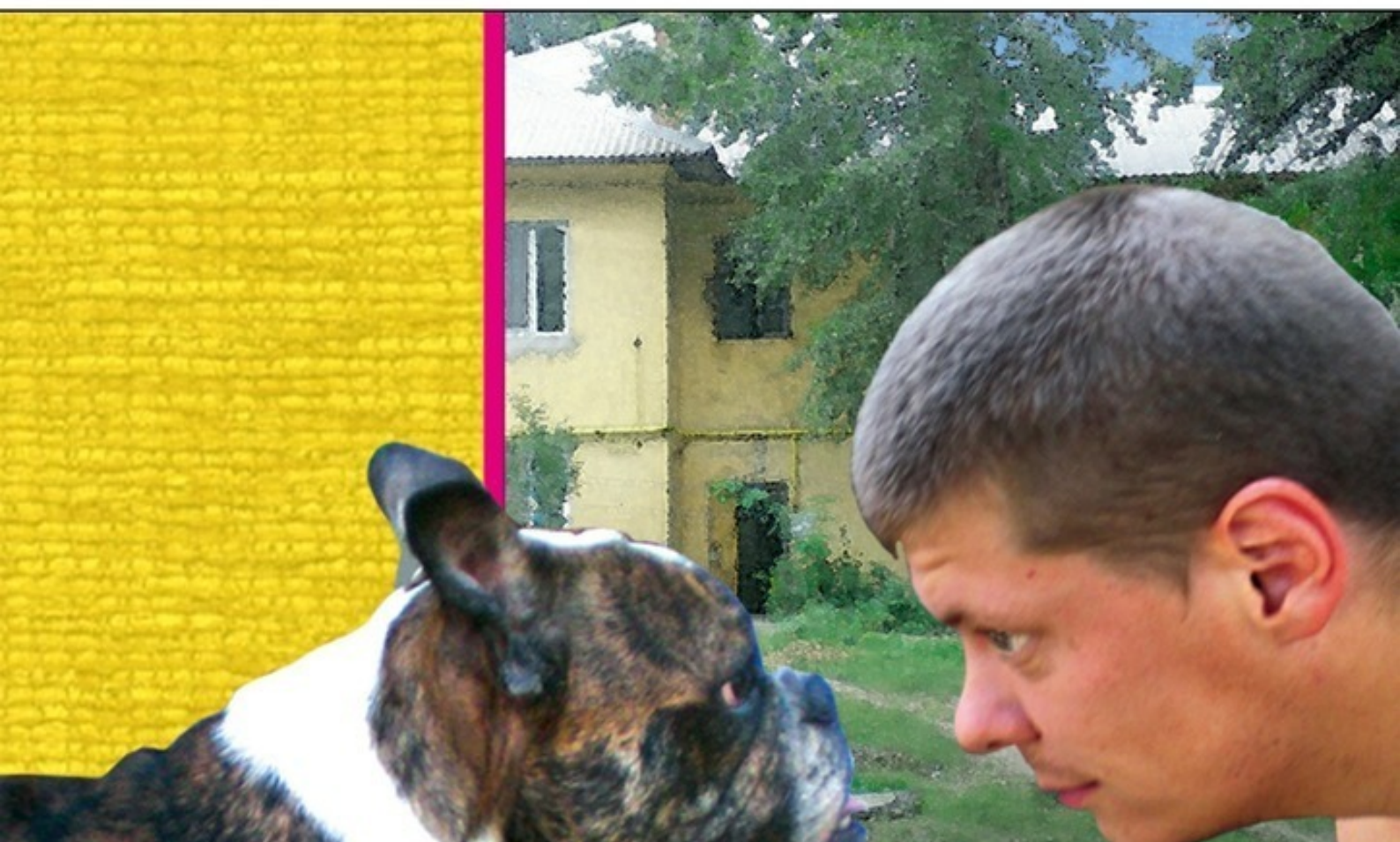

Анатолий Долженков

Житейские истории

Юмористическая проза. Рассказы. Том 1

Анатолий Долженков

**Житейские истории.
Юмористическая
проза. Рассказы. Том 1**

«Издательские решения»

Долженков А.

Житейские истории. Юмористическая проза. Рассказы. Том 1 /
А. Долженков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830199-5

Сборник рассказов — веселые реальные истории, отобранные из великого многообразия жизненных ситуаций. Основной жанр — комическая новелла. Герои рассказов — люди с их житейскими проблемами. Характерные события и мотивы — бытовые, служебные и семейные неудачи обывателя, пути и способы их разрешения в стремлении реализовать свои житейские интересы. Если Вам грустно, а на душе мерзко и слякотно, или если Вас одолевает скука, грозящая перерасти в зеленую тоску, прочтите, Вам станет легче и веселей.

ISBN 978-5-44-830199-5

© Долженков А.
© Издательские решения

Содержание

Энтузиаст	6
Цистерна	9
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Житейские истории
Юмористическая проза. Рассказы. Том 1
Анатолий Филиппович Долженков

© Анатолий Филиппович Долженков, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Энтузиаст

Энтузиасты – люди особого сорта. Почему люди? Да потому, что встречается эта особь исключительно в человеческом обществе. Про животных-энтузиастов никто, никогда, ничего не слышал. Люди, одержимые идеей коллекционирования, ради любимого дела готовы на такие жертвы и ограничения, что уму непостижимо. Особенно дикими считаются энтузиасты – собиратели. Собирают все, что только можно объединить в коллекцию – марки, монеты, картины, иконы, машины. Ну, этих-то еще как-то понять можно. При большом желании все это можно превратить в очень большие деньги, которые, кстати говоря, тоже собирают и не только энтузиасты. А как понять людей, собирающих спичечные этикетки, иголки от швейных машинок, открытки и прочий мусор? Человеку с нормально функционирующим головным мозгом подобных увлечений не понять. Понять и принять можно энтузиазм собирателей лекарственных растений, поскольку речь идет о здоровье.

Ещё на заре своей профессиональной деятельности пришлось мне работать бок о бок с терапевтом буквально помешанным на лечении травами. И фамилия у него была соответствующая, Травкин Семён Дмитриевич. В нагрузку к любому рецепту, выписанному больному с учётом рекомендаций «Фармакопеи», Семён Дмитриевич настойчиво советовал применять лечебные травы. Он легко внушал надломленным болезнями пациентам, что любой фармакологический препарат, как правило, имеет противопоказания, травы же можно применять смело, не боясь побочных действий. Надо отдать должное, во многих случаях настои и отвары оказывались значительно эффективнее лекарств полученных химическим путём. С этим самым доктором Травкиным и произошла скандальная история, разрушившая семейную жизнь травника-энтузиаста. Одержимый идеей траволечения, он каждый свой отпуск проводил в малопривлекательных, забытых Богом уголках страны, где производил сбор редких лекарственных растений и их семян. Особо ценные экземпляры он культивировал на своём приусадебном участке. Все шесть соток огорода были плотно засеяны лекарственным разнотравьем. Всякие попытки жены сунуть в землю какой-либо полезный овощ встречали столь яростный отпор, что она, в конце концов, смирилась. Но это еще куда ни шло, были и неудобства похлеще. Огромные альбомы с гербариями растений заполнили все имеющиеся в квартире шкафы и полки. Снопки трав и веток, свисающие с потолка, сводили жизненное пространство квартиры к минимуму. На плите, в эмалированных кастрюлях давно потерявших свой первоначальный цвет, всегда готовились какие-то вонючие отвары, насыщая смрадом квартиру. Несколько раз, исключительно из гуманных соображений, хозяйка попыталась добавить в кастрюлю некоторое количество ароматических приправ. Но застигнутая за этой процедурой супругом, получила такой скандал, что у нее пропала всякая охота к дальнейшим экспериментам. Травкин рыдал над сливаемым в унитаз испорченным отваром, как над самым близким усопшим родственником, проклиная жену и ее устоявшие хозяйственные навыки. С тех самых пор над плитой был вывешен транспарант, на котором огромными буквами было начертано: «Не солить. Специй не добавлять. Убью». Семейная жизнь с человеком одержимым идеей сама по себе не сахар. Для нормального человека она довольно сложна и непредсказуема, особенно если навязчивой идее посвящается не только рабочее, но и всё домашнее время. А случай этот, как раз и был из разряда хронических. Особую страсть Семён Дмитриевич питал к исследовательской работе с травами, лечебный эффект которых был не изучен или изучен недостаточно полно. Самым же надёжным способом установления эффективности воздействия лекарственного растения, как известно, является введение его в организм лабораторных животных и добровольцев из числа живых людей. С лабораторными животными проблем не было. Белые крысы и морские свинки томились в клетках и банках в одной из спален, отведенной под лабораторию. Иногда животные совершали дерзкие побеги из мест заточения и путь их, почему-то,

всегда лежал через кухню, где колдовала над плитой жена. Всякий раз, обнаруживая беглеца у своих ног, она истошно вопила, поскольку «ужас, как боялась всяких этих мышей» и карабкалась на табуретку. Окончательно женщина успокаивалась только после поимки грызуна и возвращения его в место заключения. Эксперименты с лабораторными животными всегда проходили гладко, поскольку желание или нежелание последних участвовать в опыте естественного испытателя интересовало мало. Хуже обстояло дело с добровольцами, которых не удавалось соблазнить никакими пряниками. Коллеги по работе и соседи по дому, зная одержимость Травкина, всерьёз и не без оснований опасались стать жертвой его сомнительных экспериментов. Первыми почувствовали неладное коллеги-медики еще на заре деятельности начинающего фитотерапевта, поскольку профессионально могли оценить состояние не только чужого, но и своего собственного организма. Они обратили внимание на некоторые неприятные постоянно меняющиеся симптомы расстройств жизнедеятельности их организмов, возникающие после чаепития на работе. Небольшой консилиум, собравший заинтересованными лицами для установления истины, пришёл к печальному выводу – чай, закупаемый в соседнем магазине, и есть искомая причина всех бед. Чай был изъят из шкафа и тщательно исследован органолептическим методом, то есть, рассмотрен, обнюхан, опробован языком. Визуальный осмотр дал нужный результат. В чай была подмешана неизвестная трава. Обмен мнениями и наблюдениями оказался плодотворным. Кто-то вспомнил, какой интерес к здоровью пострадавшего коллеги всякий раз проявлял Травкин. Он подробно расспрашивал о симптомах недуга, аккуратно записывая результаты опроса в толстую тетрадь. А поскольку страстное увлечение коллеги ни для кого не являлось большим секретом, не трудно было сложить два и два, чтобы в итоге получить искомые четыре. Доктора быстро сообразили, что помимо своей воли, можно сказать, в принудительном порядке, стали участниками эксперимента на людях, как известно запрещённого мировой общественностью. Провинившегося тут же извлекли на суд праведный и после нескольких минут допроса с пристрастием, выбили из него необходимые признания. Преступник тут же повинился и раскаялся, прося пощады у разъярённых коллег. В качестве оправдательного аргумента напирал на тот факт, что всё это безобразие творилось из любви к науке и истине, непонятно каким образом с этой самой наукой связанной. Поостыв, доктора решили шум не поднимать, но чай, сахар и другие сыпучие продукты с тех самых пор запирались в шкаф, куда Травкину доступ был заказан. Но всё же, несмотря на принятые предосторожности, освежающие напитки находились у коллег Травкина под большим подозрением. Прежде чем заварить чай в кружке, он постоянно обнюхивался и внимательно осматривался очередным любителем прекрасного тонизирующего напитка на предмет наличия в нем посторонних добавок. Делалось это особенно тщательно, если Травкин крутился здесь же в ординаторской. Соседи, пережив несколько стрессов и интуитивно вычислив, откуда ветер дует, старались у этой семьи ничего не одалживать: ни соли, ни сахара, ни, упаси Боже, чайной заварки. Прямых обвинений никто не предъявлял, но судя по косвенным уликам, к семейству Травкиных доверия не было. У опального учёного оставалось два последних пути. Первый он нащупал совершенно случайно, когда однажды возвращаясь вечером домой, был окликнут соседом – известным выпивохой и бузотером. Тот, прижимая руки к груди и клятвенно обещая, что через пару дней отдаст, просил денег «на похмелку». Травкин знал, что сосед назанимал уже у всех жильцов дома и долги не возвращал в связи с чем, на все просьбы о заимствовании следовал категорический отказ, выражавшийся, как правило, в неучливой форме. Травкин быстро сообразил, какая ему выпала неожиданная удача. Тут же он предложил страждущему соседу выпить имеющийся у него спиртовой раствор малоизученного растения, уже давно ожидающего серьезного исследования. Травкин пояснил задавленному сушняком страдальцу, что денег у него нет, но он мог бы предложить настоянные на спирту лекарственные травы. И, если сосед и его уважаемые собутыльники желают, то он мог бы безвозмездно, так сказать, исключительно из сострадания к их плохому самочувствию, помочь. Коллектив алкоголиков, подтя-

нувшийся к месту переговоров, всеми возможными способами убеждали доктора, что если бы он только знал какие напитки они, бывает, употребляют вовнутрь, то перестал бы терзаться сомнениями в отношении каких-то там слабых травок. На том и порешили к обоюдному удовольствию сторон. Каждый получил своё. На следующий день, возвращаясь с работы, он вновь встретил вчерашнего знакомого. Тот понуро сидел на лавке и был абсолютно трезв.

– Как вчера погуляли? – поинтересовался Травкин, присаживаясь на край лавки.

Алкоголик отреагировал на человеческую речь, поднятием головы, уставившись туманным взором на Семёна Дмитриевича.

– Ну и бухалово у тебя док. . . . Зверское, – наконец признал он вчерашнего благодетеля. – Меня вчера так дёргало и крючило. . . . Думал всё, конец. Отпукался. А мужики до сих пор никак не оклёмаются. . . . Вот один сижу.

Эффект от приёма препарата, в основном, соответствовал описанному в литературе. Но более полный анамнез, полученный путём детального опроса грустного подопытного, позволил обнаружить и симптомы, не отмеченные предыдущими исследователями.

Всё течёт, всё изменяется. Вскоре и этот источник иссяк. Число желающих отведать травкинские эликсиры катастрофически падало. Алкоголики избегали Семёна Дмитриевича как чумного. Он не единожды подходил к ним, предлагая помочь поправить здоровье. Но те категорически отказывались, упирая на то, что завязали. В одном случае это заявление оказалось правдой. Жена одного из подопытных, поймав Травкина в подъезде, долго и душевно благодарил доктору, за то, что вылечил мужа от алкоголизма, пытаясь всучить непьющему Травкину бутылку коньяка в знак благодарности. При очередной попытке сунуть пьяницам бутылку, ему в грубой форме объявили, что один его, Травкина, вид вызывает у них отвращение к алкоголю и попросили впредь не беспокоиться по поводу их проблем.

Оставался последний путь – ничего не подозревающая супруга. Это был выход из безвыходного положения. Через неделю после начала эксперимента, подопытная стала проявлять первые признаки беспокойства по поводу странных сбоев, происходящих в её организме, работающего до сего момента как швейцарский часовой механизм. Симптомы были такие, что не приведи Господи. Длившийся сутками изнурительный дизентерийный понос, удерживающий несчастную женщину в зоне двадцатисекундной готовности к запрыгиванию на унитаз, вдруг сменился столь длительным запором, что она ни как не могла взять в толк, куда исчезают продукты, съеденные ею за последнюю неделю. Муж успокаивал, ссылаясь на солидный возраст любимой, наступление климактерической перестройки организма и всё такое прочее. Глаза на правду женщине открыла ближайшая подруга, пару лет назад отведавшая травкинской заварки и долго после чаепития лечившаяся от аллергии. Несчастливая супруга прозрела. Стало понятно, откуда на неё навалились недуги, и почему соседи косятся и не здороваются. Семья распалась со скандалом. Ещё долго несчастный участковый бегал от супруги к супругу, пытаясь как-то замазать дело «об отравительстве», возникшее на основании заявления поданного потерпевшей. Но на любви Травкина к экспериментам подобные жизненные потрясения никак не отразились. Он и сейчас, находясь в довольно преклонном возрасте, не утратил энтузиазма и любви к сбору лекарственных растений.

Цистерна

Случилось это знаменательное событие в небольшом городке, которому посчастливилось быть пересечённым оживлённой автомобильной трассой. Одной тех асфальтовых артерий, что соединяют между собой областные центры и крупные промышленные города. Населённых пунктов, подобных этому, приткнувшихся к дорогам-кормилицам, ещё не так давно обозначавшихся на всех дорожных картах как трассы Республиканского или Всесоюзного значения, великое множество в государстве нашем и кормится от них разный люд. То, что без автодорог давно бы вымерли гаишники – гибэдедешники – это понятно даже самому непреходимому тупице. Им без асфальта никак. Именно они, дороги эти, породили престижную профессию – инспектор ГАИ (ГИБДД). Стражам, следящим за правильным перемещением автопотока, нравятся дороги с интенсивным движением, с обязательным присутствием бензовозов, фур и обычных грузовичков с не всегда правильно оформленными проездными документами. А как же? Чем интенсивнее снуют машины, тем больше нарушений, а, вместе с ними, и рост благосостояния придорожных охотников. На глухих просёлочных дорогах эту человеческую разновидность в портуpee и с полосатой палкой не встретишь. Легенды повествуют, что во времена Киевской Руси прародитель и первый сотрудник патрульно-постовой службы Соловей-разбойник по слабости ума и малой практике тридцать лет, где-то в глуши, в стороне от торговых путей поджидал, то ли редкого конного путника, то ли владельца гужевого транспорта. Чем всё это кончилось известно. Объезжавший с инспекционной поездкой захолустные места Киевской области инспектор службы внутреннего расследования Илья Муромец, состоявший при тогдашнем мэре города Киева – князе Владимире – Красное Солнышко, усмотрев нарушение устава несения патрульно-постовой службы, применил к нарушителю санкции, предусмотренные тогдашним законодательством. И, видно, памятуя печальный опыт своего далёкого предшественника, нынешние работники свистка и полосатой палки предпочитают нести службу на видном, хорошо просматриваемом месте.

Многочисленные базарчики и киоски, сулящие дорожным людям всякие дары природы, на которые богата та или иная местность – то ли рыбка копчёная, солёная или вяленая, от которой у приезжих слюнки текут и пиво мерещится; то ли грибочки маринованные плотно закатанные в стеклянные банки и намытые до блеска так, что каждый смотрелся, словно через увеличительное стекло – свидетельствовали о том, что и прочий люд, не столь щедро одаренный доверием государства, как владельцы полосатой палки, тоже кое-что с дороги имел. Малосольные огурчики, капуста квашенная, копчёное мясо и сало – мало ли, что может предложить житель сельской местности проезжим. Кое-кто, у кого, как говорится, руки пришиты там, где надо, весьма прибыльно торговал деревянными поделками и корзинами собственного изготовления. Сегодня это заработок и чуть ли не единственный источник существования для многих жителей придорожных городов. Люди в таких городках проживают тихие, непритязательные, стойко переносящие тяготы непростой периферийной жизни.

Вася Шкоркин на рынке не торговал. Там промышляла женская составляющая его семьи – жена да тёща. Торговали, в основном, грибами и рыбой. Грибы на продажу поставлял он, глава семьи, собирая их в огромных количествах в окрестных лесах. Места знал заветные, грибные. Баловался и ловлей рыбки. Браконьерствовал сетью понемногу. Но это так, побочный заработок. Василий Шкоркин был одним из немногих счастливцев, имеющих постоянную работу, что в подобном городке – великая редкость. Пару лет назад дельцы из областного центра открыли в старой заброшенной школе небольшой колбасный цех. Почему именно здесь? А кто их нынешних бизнесменов поймёт. Места тихие, недвижимость дешевле, да и народу трудовому меньше платить можно. А поскольку работы здесь днём с огнём не сыщешь, недозвольных не будет. Опять же ближе к селу, а значит и к крупному рогатому и безроговому скоту.

В общем, выгодно со всех сторон. Сюда-то ему и подфартило втиснуться сторожем. Кум помог. Заступал Василий на сутки и следующие сутки был свободен как птица в полёте. Красота! А что такое сторож в колбасном цехе? Это же надо понимать. Целые сутки вертеться у колбасы и мяса и ничего не украсть? Кто тебя умным назовёт? Тут хоть социализм, хоть капитализм назначай, хоть к рабовладельческому строю возвращайся – ничего не поможет.

В тот роковой осенний вечер Шкоркин вышел из дому пораньше. Были кое-какие делишки по ходу перемещения к месту работы. В киоск должок занести за выпитые вчера в долг сто грамм и так – кое-что по мелочи. Заботы – хлопоты по жизни. Он не торопясь пересёк трассу и по просёлочной дороге вышел на лесную поляну, дабы скостить путь, и вдруг прямо перед собой увидел её. Огромная автомобильная цистерна, неизвестно как оказавшаяся в стороне от дороги, маячила чёрной пузатой тенью на фоне могучих стволов сосен.

– Откуда она здесь взялась? Надо же... – в недоумении описывая круги вокруг необычной находки, бормотал Василий. – Да тут авария, – наклонился он, рассматривая разбитый задний мост. – Ох, эти городские... Это они подумали, что надёжно спрятали. Ну, ей-богу, как дети. А вообще-то, кому она нужна, бандура эта. Не спрячешь, не укроешь от нескромных глаз бывших владельцев... Будет торчать, что твоя ракета на полигоне. Что же они её у дороги-то не бросили? Видно, не пустая ёмкость-то. Надо же...

Он забрался на прицеп и с хозяйской дотошностью осмотрел находку. Осторожно постукивая по круглым бокам цистерны, убедился, что она отнюдь не пуста.

– Кажись полная. До краёв залита, – задумчиво проронил он. – Полная чего? Говна? И такое может случиться в отечестве нашем. Тогда зачем так тщательно прятать? У нас своего девать некуда... А вот и крантик имеется... Открыть, что ли? А вдруг ядохимикат или ещё чего похлеще... Нельзя так сразу... Экологическая катастрофа и каюк всему ходящему, прыгающему и ползающему. Да нет, ничего такого предупреждающего на цистерне не обозначено...

Он извлёк из сумки гранёный двухсотграммовый стакан и тщательно его протёр куском газеты, в которую был завёрнут «тормозок». Стакан этот он постоянно таскал с собой на работу, поскольку оставлять его на службе не рекомендовалось. Хозяева предупредили сразу – за пьянство на рабочем месте выгонят без долгих разговоров и пререканий. Надо было соблюдать предосторожность, чтобы не попасть на глаза завистникам и стукачам. Он нашёл подходящий кусок дерева, установил на нём стакан, задвинув его под самый кран, и принялся осторожно раскручивать вентиль. Тот не поддавался. Василий приналёг.

– Надо же, как затаили, варвары... – кряхтел он тужась. – Ничего, мы люди мастеровые, умелые... Как-нибудь управимся и без подручных средств.

После долгой возни кран наконец-то поддался. Натужно скрипнув, вентиль медленно провернулся.

– Ещё немного, ещё чуть-чуть... поднажмём... Никуда ты, родной, от нас не денешься. Вот так, – удовлетворённо крякнул он, заметив, как в стакан закапала жидкость. – Пожалуй, для эксперимента будет достаточно, – возвращая вентиль в первоначальное положение, решил он. – Что же мы имеем из этой таинственной ёмкости в качестве жидкости?

Жидкость пахла вином. Да так смачно пахла, что не оставляла никаких сомнений в характере содержимого цистерны.

– Вот это лотерея! Стоит в лесу цистерна с вином, и я один как рыцарь на распутье – выпить, не выпить, – он ещё раз обонял содержимое стакана. – Ну, вино же, честное слово, вино... Выпить, что ли? А вдруг нет? Так ведь запах же... Нет! Опасно, боязно... Думай, думай, Вася, не ленись, а то останешься трезвым. Придумал.

Он трясущимися от возбуждения руками извлёк из сумки двухлитровую полиэтиленовую бутылку с чаем и, быстро свинтив крышку, вылил безалкогольное содержимое в траву.

Бутылку до краёв наполнил из цистерны. Расстояние от цистерны до проходной пролетел за считанные минуты.

– Петрович, Петрович, отвори, – крикнул он сменщику, проникая в открывшуюся дверь.

– Ты что, Василий, гонятся за тобой? – спросил удивлённый старик, рассматривая тяжело дышащего сменщика поверх очков.

– Тут такое дело, Петрович... Братан двоюродный с севера на одну ночь приехал... А у меня того... дежурство... Двадцать лет не виделись, сам понимаешь... А я не с пустыми руками... Вот он, Валерка, винца привёз разливного. Это не та бурда, что в магазине... стоящее винцо. Так как, подменишь до утра... Я в накладе не останусь..., – он с мольбой посмотрел на сменщика.

– Чего же не помочь хорошему человеку, когда ему требуется помощь. Все мы люди православные, а значит, на помощь отзывчивые. Только ты не пей много, да и утром долго не задерживайся. Не тебе говорить, какие у нас хозяева – бывшие работники ОРСа, – согласился Петрович, отвинчивая крышку. – Что за винище-то?

– Не знаю, ещё сам не пробовал. Поди – знай, договоримся, нет..., – не сводил он глаз со старика, припавшего к горлышку бутылки. – Ну, как винцо-то?

– Портвейн. Отличный марочный портвейн из прежней жизни, – крикнул старик, вытирая ладонью мокрые губы. – Давно забытый вкус. Будет мне удовольствие на всю ночь.

– Чувствуешь-то себя как – хорошо? – осторожно спросил Василий, впившись взглядом в покрасневшие щеки старика. – Ничего не болит, ... не тошнит?

– А что мне станется? После войны на восстановлении народного хозяйства по три смены вкалывали ещё пацанами будучи, так что мы к этому делу привычные. Иди – не беспокойся.

– Я ведро возьму то, старое. Оно здесь никому не нужно, а я братану грибочков маринованных... в дорогу....

– Бери, не жалко. Ничейное оно...

– Ну, давай, Петрович, до утра, что ли?

– Беги, не теряй время.

Шкоркин подхватив ведро, выскочил в темноту.

– Хороший парень, отзывчивый, – проворковал Петрович, закрывая дверь на засов, не без удовольствия припадая к бутылке.

Посвистывая, Василий приблизился к заветному месту, рассчитывая таким нехитрым манёвром привлечь внимание хозяев цистерны, если таковые объявились. Дабы не попасть впросак. У цистерны никого не было. Нервно оглядываясь и вздрагивая от малейшего шороха, он до краёв наполнил ведро и двинул в направлении трассы. Ведро оттягивало руку, но он не замечал неудобств, торопясь уйти подальше от злачного места.

Шёл он не домой. Дома, конечно, обрадуются удаче, но ведро отберут, вино разольют по бутылкам и будут выдавать по стакану на праздники или по случаю дня рождения. Нет уж, спасибо за заботу. Он шёл к куму, твёрдо зная, что жена его, Ленка, укатила к матери на село и будет никак не раньше завтрашнего дня. За это время много великих дел совершить можно.

Входная дверь кумовой квартиры долго не открывалась. Вася Шкоркин давил на кнопку звонка пальцем с такой силой, будто хотел протолкнуть её вглубь стены. Наконец, где-то глубоко в недрах помещения заскрипело, загремело, закашляло и из-за приоткрытой двери показалось заспанное лицо кума Андрюхи.

– Ну, ты и здоров спать, – недовольно проворчал поздний гость, отодвигая плечом хозяйина и проникая в квартиру. – Минут двадцать пришлось под дверью торчать.

– Ты же вроде как на работе находиться должен или я что-то перепутал? – безразлично спросил кум, непрерывно зевая.

– Должен, должен, – раздражённо перебил пришедший. – Мало ли, я что кому должен. Тут такие брат дела, что не до работы теперь. Хлебни-ка из ведра для быстрого осознания важности момента и сокращения времени на длинные разговоры и увещевания.

Схватив со стола кружку и зачерпнув ею из ведра, протянул хозяину квартиры.

– Причащайся. Ну как? – нетерпеливо спросил он, заметив, что содержимое кружки полностью перелилось в лягушачий рот кума.

Неплохо, – отозвался тот, понюхав рукав пижамы, – натуральный портвейн. У тебя, что там, полное ведро?

Ведро, – пренебрежительно хмыкнул Василий. – Цистерна. Цистерна с первоклассным напитком скучает здесь неподалёку и требует к себе особого внимания.

Зачерпнув половину кружки, он наконец-то, решился подвергнуть напиток дегустации лично. Удовлетворительное состояние двух подопытных кроликов опасений по поводу качества напитка и последствий приема уже не вызывало.

– Как цистерна? – не поверил кум, вновь погружая кружку в ведро. – Какой это дурак будет цистернами с вином разбрасываться?

– Этого я тебе сказать не могу. Слава Богу, хозяев видеть не пришлось. Повремени пока, Андрюха, – вырвал он кружку из рук кума, попытавшегося в очередной раз нырнуть в ведро. – Успеет ещё. У тебя, сколько вёдер дома имеется?

– Да кто же его знает? Этим у меня Ленка занимается.... Вёдрами, банками, посудой всякой...

– Довольно философствовать. Ленку ему подавай.... Сам ищи, да побыстрее. Нам сегодня в ночную смену ох как славно потрудиться придётся.

Две серые тени, гремя пустыми вёдрами, словно древние рыцари доспехами, приближались к цистерне.

– Ну, где она, твоя ёмкость? – нетерпеливо прохрипел кум Андрей.

– Вот она перед тобой. Смотри нос не разбей. По-моему, никого нет. Никого не видишь, Андрюха?

– Никого вроде.

– Тогда за дело.

Первая ходка была не совсем удачной. Уже у дома, практически у подъезда, наткнулись на старуху Матвеевну из восемнадцатой квартиры.

– Вот где хозяйева-то, не то, что мой зятёк – урод. О семье заботятся. Что, мужики, воды, что ли в кране нет? Издалека носите.

– А то не знаешь? До чего же ты любопытная старуха, Матвеевна, – поставив вёдра на землю, с удовольствием потянулся Андрей.

– Ты что, Матвеевна, фиксируешь перемещение потока жильцов? Перепись проводишь? – остановился рядом Василий.

– Какая там перепись? Зятёк – забулдыга опять до самых краёв налил. Сами знаете, когда он выпимши, на глаза ему лучше не попадаться. Подожду, пока заснёт, зараза, тогда и я в дом войду.

– Это ты мудро рассудила. Видишь Андрюха: ни разговоров, ни увещеваний. Один пропущенный Матвеевнкой прямой левый в нижнюю челюсть, в рейтинговом поединке с зятем за звание чемпиона кухни в одна тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году – и какие замечательные результаты. Не тёща – золото. Учись у людей, как надо правильно строить отношения в семье.

Подхватив ведра, кумовья устремились наверх по лестничному маршу.

– Сорок литров, – любовно глядя на стоящие посреди квартиры четыре полных ведра, промурлыкал Василий. – И ещё одно, что я раньше принёс. Итого пятьдесят.

– Не расслабляйся. Маршрут надо повторить, – веско сказал Андрей, о чём-то напряжённо раздумывая.

– А куда лить-то? – недоумённо посмотрел на кума Шкоркин. – Прежнее ведро еле-еле разместили. Ни одной пустой банки в доме нет, даже майонезной.

– Думать надо. Такой случай раз в жизни бывает – и то не у каждого. А ты говоришь, куда лить?

– Что тут думать? Остались унитаз да ванная – окна в открытую природу. Не туда же портвейн сливать?

– Именно туда! – радостно закричал Андрюха. – Именно!

– В унитаз, что ли?

– Какой там унитаз, в ванную. Целая ванная вина! Представляешь, на сколько дней хватит? Пробочку, что слив прикрывает, обернём целлофаном, чтобы ни одна капля не просочилась, ни одна... Ванную вымоем с содой, ополоснём для гигиены... Всех делов-то – три-четыре ходки... До рассвета должны успеть.

– А как мыться-то? Грязью зарастёшь...

– Господи, о чём думает человек в такой судьбоносный момент?

И началось движение, которое без ложной скромности можно было назвать стахановским. Ноги гудели, руки дрожали, с трудом удерживая вёдра, казавшиеся уже многотонными. Голова от винных паров кружилась так, что теряли ориентацию во времени и пространстве. Но они вновь и вновь, преодолевая трудности, собрав остатки воли в кулак, заставляли себя возвращаться в цистерне.

– Ну вот, – выливая очередную порцию напитка в почти полную ванную, прохрипел Андрей. – Ещё одна ходка и все... Всё. Только одна ходка...

– А может быть, ну её, – раскачиваясь, словно молодая берёза под шквальным ветром, предложил Василий. – Вон сколько натаскали... Пить, не перепить...

– Это только кажется. Хорошего много и долго не бывает. Запомни эту истину, друг мой.

Последний маршрут кумовья преодолевали в четыре раза дольше, чем предыдущие. Пот катил градом, выжигая глаза. Майка прилипла к телу так плотно, что казалось, будто это задушенный верхний слой кожи. Колени дрожали, а руки, оттянутые вёдрами, были длиннее, чем у орангутангов из программы «В мире животных».

– Всё, – поставив вёдра на пол, блаженно закатил глаза Андрей. – Финита ля комедия, как говорят где-то за бугром. Эх, и оторвёмся же...

– Что это у тебя шумит? – спросил Шкоркин настораживаясь. – Вода, что ли?

– Похоже на то... Видно в кухне кран забыл завертеть. Воду-то дают на пару часов в сутки. Вот и забываешь – открыт кран, закрыт...

– Точно на кухне, не в ванной? – забеспокоился Василий.

– Сейчас проверим.

Усталость сняло как рукой. На кухне было всё в порядке, зато в ванной дверь оказалась запертой изнутри.

– Ничего не пойму, – дёрнув ручку двери, изумился Андрей. – На запах кто-то просочился, что ли?

– Подожди не шуми, ... дай послушаю, – припав ухом к щели Шкоркин замер. – Плещется кто-то в ванной... и шампунем разит. Андрюха, ей-богу там кто-то купается.

– В вине? Это ты того, загнул...

– А вот и пальтишко чьё-то на двери висит. Прежде его не было...

– Ленкино это пальто... Ленка от матери вернулась... Надо же, как не вовремя, – проронил Андрей, исследуя пальто жены. – Её это пальто, точно её...

– Надо же какой нюх, – изумился Вася. – Не успела пальто сбросить и сразу же в ванную. Ещё и закрылась изнутри, зараза. Чего это она закрылась, кум? Ей же столько не выпить.

– Да не пьёт она вовсе. Не употребляет совсем... Она, дура, и не поймёт, что в ванной налито.

– Не пьёт... Ты смотри какая. Может она купается... в марочном портвейне. Аристократка... Нет, аристократы – те больше шампанское предпочитают для мокрых процедур.

Четыре кулака загрохотали по двери.

– Открой, – орали благим матом кумовья, напирая на дверь. – Сейчас же открой, зараза. Вскоре дверь отворилась и на пороге ванной появилась раскрасневшаяся Ленка с намотанным на голову полотенцем.

– Вы что озверели, варвары, – набросилась она на кумовей. Чуть дверь не вышибли...

– Хорошо попарилась? – полюбопытствовал Василий, заглядывая через Ленкино плечо и пытаясь на глаз оценить степень убытков.

– Не очень, – грубо ответила та, оттесняя нахала круглым плечом вглубь коридора.

– Оно и понятно, – согласился тот, пятясь, – семнадцать градусов всего... Даже не сорок... Сахара там, правда, девять процентов... Ничего не слиплось?

– Тебя не касается. Где уже глаза залили, алкоголики? Раннее утро на дворе.

– Вот, вот. Она там ещё и кое-что сполоснула... трусишки, прочее нижнее бельё... Чистоплотная у тебя супруженица, Андрюха.

– Отчего же не сполоснуть, если воду дали? Теперь это событие редкое...

У Василия оборвалось сердце и остановилось дыхание. Оттолкнув возмущённую хозяйку, он бросился к ванной. Ванная была безобразно пуста, тщательно вымыта и пахла шампунем. Андрей боялся переступить порог ванной комнаты, предчувствуя непоправимое. Страшное известие парализовало его, превратив в монумент всем скорбящим. Губы побелели, стеклянные глаза смотрели в пустоту. Хозяйка, плохо понимая остроту момента, набросилась на мужа с упрёками, пытаясь восстановить в семье свой пошатнувшийся авторитет и показать этим, потерявшим страх мужикам, кто в доме хозяин.

– Тебя на пару дней на хозяйстве оставить нельзя, – наседали на неменяемого супруга. – Уж, казалось, чего проще... Запас воды в ванной и то по-человечески сделать не можешь. Ржавчину со всего водопровода собрал, бестолковый.

– Какой воды, дура? – визжал впавший в слепую ярость Василий. – Какой воды? Портвейн это был, поняла... Ты спустила в канализацию марочный портвейн по три доллара за бутылку. ... Господи, – застонал он, вознеся руки к небу, – ты же всё видел. Накажи её. Только сейчас накажи, не откладывая. Я не кровожадный, но очень хочу взглянуть, как ты будешь вершить правосудие...

– Что ты мелешь, – не поверила Ленка, проведя в уме несложный подсчёт и получив в итоге невероятную сумму. – Откуда у вас, голомыдников, приличное пойло возьмётся? Портвейн марочный, – иронично хмыкнула она. – Давай, выметайся отсюда. Не успеешь за дверь, а они уже кучкуются.

– А-а-а-а! – вдруг заорал дурным голосом неменяемый Андрюха. – Убью суку...

Огромный волосатый кулак опустил на Ленкину голову. Шкоркин закрыв от страха руками голову, присел на корточки. Раздался стук падающего тела. Первое, что он заметил, когда вновь обрёл способность видеть и воспринимать реальность, вернувшуюся к нему в его ощущениях, распостёршуюся на полу Ленку с заплывшим глазом и нависшего над ней кумастителя. Пятясь, он покинул Куликово поле, выйдя в подъезд, нервно закурил.

Когда он возвратился в квартиру, успокоившиеся супруги сидели за обеденным столом друг напротив друга. Ленка, как ни странно, была жива. Но любящая жена и достойная мать, на независимый взгляд Василия, как-то сразу утратила свою женскую привлекательность и врождённую красоту. Огромный синяк практически полностью закрыл её левый глаз. Распухшее ухо наоборот, приобрело малиновый оттенок. Голова, болтаясь из стороны в сторону, как пришитая, не в состоянии была утвердиться в вертикальном положении. Превентивные

воспитательные меры помогли понять заблудшей овце степень её вины. Под тяжестью предъявленных обвинений, стороной потерпевшей убыток, она полностью утратила присущую её полу агрессивность, признав, что «... её, поганку, следовало бы вообще удавить за то, что она натворила».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.